

*А.Ш. Кабирова***Аграрное производство и крестьянство Татарстана
в годы военного лихолетья (1941–1945 гг.)**

Ключевые слова: Вторая мировая война (Великая Отечественная война), Республика Татарстан, народное хозяйство, аграрное производство, колхозы, крестьянство, тракторные бригады, трудодни.

Keywords: agriculture, Tatarstan, Great Patriotic War, rural population.

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для всего советского народа, поэтому интерес историков и общественности к изучению этого сложного периода с годами не только не ослабевает, а, наоборот, усиливается. История Великой Отечественной, несмотря на обширную историографию, до сих пор открывает специалистам огромные горизонты. Многие ее страницы недостаточно исследованы или субъективно отражены и требуют более глубокого и внимательного прочтения. Привлечение новых источников и материалов предоставляет ученым такую возможность.

На основе архивных документов, с учетом современных подходов предпринимается попытка выявить уровень аграрного производства и рассмотреть состояние крестьянства Республики Татарстан в 1941–1945 гг., что, возможно, позволит по-новому взглянуть на многие уже известные аспекты Великой Отечественной.

Война принесла большие испытания аграрному сектору Татарстана, который вместе с другими, большей частью восточными районами, стал в годы военного лихолетья важной тыловой базой страны.

Выполнение поставленных перед сельским хозяйством задач было сопряжено здесь с исключительными проблемами. С первых месяцев войны в связи с мобилизациями значительно ослабла материально-техническая база. Машинно-тракторные станции (МТС) и колхозы республики передали для нужд армии значительное число тракторов и автомобилей. В деревне остались худшие машины устаревших марок, которые предлагалось отремонтировать и использовать. Между тем положение с ремонтом тоже осложнилось. Уже в 1942 г. запасных частей к тракторам и комбайнам поступило в два раза меньше, чем в 1940 г. Остро стояла проблема горючего на селе. В 1941 г. республиканские МТС получили 74%, а в 1942 г. – лишь 56% тракторного горючего от объема, отпущенного в 1940 г. [1, с. 134].

Ухудшение технического оснащения сельского хозяйства не могло быть компенсировано и за счет живого тягла. Только в первые два года войны в Та-

тарстане для нужд армии было мобилизовано около 10% общего поголовья лошадей, а 10–20% от числа оставшихся постоянно отвлекались государством в порядке гужевой повинности для вывозки различных грузов.

В связи с резким сокращением техники, живого тягла, энергоресурсов особое значение приобрел ручной труд. Но всеобщая мобилизация лишила деревню и ее наиболее трудоспособную часть – мужчин. К концу 1943 г. в колхозах их оставалось менее 1/3 от довоенной численности [2, с. 74–75]. При этом размеры обязательных поставок сельхозпродукции государству устанавливались исходя не из числа работающих колхозников, а из расчета пашни, закрепленной за коллективными хозяйствами.

Необходимость решения кадрового вопроса заставила искать дополнительные источники рабочей силы. В аграрное производство начали вовлекаться пенсионеры, домохозяйки, подростки, инвалиды. Работа на полях требовала от них максимального напряжения. О небывалом росте трудовой активности колхозников свидетельствует увеличение выработки ими трудодней по сравнению с довоенным периодом. В 1941 г. в уборочных работах участвовало даже большее количество людей, чем накануне войны. В колхозе «Ворошиловец» Заинского района Татарстана в довоенное время на работу выходило до 150 человек, а с начала войны – 350–400, в колхозе «Уньш иген» число работавших в общественном производстве увеличилось со 100 до 150 человек. По две и более норм в день выполняли Мухаметзян Шакиров, Гарифзян Фазыльзянов из колхоза им. Кирова Атнинского района ТАССР [3, л. 35], Шамсениса Давлетшина из колхоза «Кзыл Байрак», Габдрахман Шайдуллин из колхоза «Ярыш» Альметьевского района и др. [4].

Ведущей силой в аграрном производстве в годы войны являлись женщины. В колхозах республики они вырабатывали до 70–75% от общего числа трудодней, они же составляли 75% постоянных рабочих совхозов. В целом доля женского труда в колхозном производстве республики выросла с 54% в 1940 г. до 80% в 1944 г. [5, с. 36].

Катастрофическая нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве усугублялась резким снижением уровня механизации в военные годы. К тому же даже на имевшейся в колхозах технике некому было работать, так как выполнение мобилизационных нарядов привело к резкому уменьшению числа квалифицированных

мужчин-механизаторов в сельском хозяйстве. Женские же механизаторские кадры, хотя и были, но их традиционно было немного. Докладная записка в обком ВКП(б) от 1 августа 1941 г., составленная по шести районам Татарстана (Камско-Устьинский, Куйбышевский, Мензелинский, Челнинский, Б.Тарханский и Тетюшский), свидетельствует, что только по этим районам женщины-трактористки составляли всего лишь 8,2% к общему количеству трактористов, комбайнеры – соответственно 10% [6, л. 62].

Стремление изменить сложившееся положение дел заставило партийные и государственные органы Татарстана развернуть масштабные кампании по возвращению бывших трактористок на производство. Кроме того, хороший результат дала организация краткосрочных курсов механизаторов. В итоге удельный вес женщин в составе трактористок за годы войны в республике поднялся с 21 до 73%, а комбайнеров – с 26 до 79% [7, л. 22].

Однако несмотря на привлечение в аграрно-хозяйственное производство всех слоев крестьянского населения, проблему дефицита рабочей силы в сельском хозяйстве преодолеть не удалось. Осенью 1941 г. специальным постановлением ЦК ВКП(б) на селе были воссозданы политотделы МТС и совхозов. Одной из важнейших их функций стало претворение в жизнь чрезвычайного Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 апреля 1942 г. об увеличении обязательного минимума трудодней для колхозников. Для взрослого населения он устанавливался в 100–150 трудодней в год в зависимости от местности, для подростков 12–16 лет – не менее 50. При невыполнении без уважительных причин этого минимума колхозники могли привлекаться к судебной ответственности. Осужденных, как правило, наказывали исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза. Помимо того, их считали выбывшими из колхоза и лишали приусадебного участка. Председатели правлений колхозов и бригадиры, которые не предавали суду нарушителей этого закона, сами несли судебную ответственность.

Применение методов силового давления на колхозников приносило определенные результаты. К 1943 г. число сельчан, не выработавших обязательного минимума трудодней, сократилось по сравнению с довоенным уровнем на одну треть, число выработавших от 300 до 400 трудодней увеличилось вдвое, а свыше 400 – в три раза [1, с. 157–158].

Организация и учет во многих колхозах не были поставлены должным образом. Трудовые книжки колхозникам на руки не выдавались и в них не производились необходимые записи. Подсчет выполненной работы и начисление положенного количества трудодней проводились с отставанием до двух и более месяцев. Сведения о выработанных трудоднях не

были гласными, и колхозники не могли определить результаты своего труда. Так, в колхозе «Кзыл яшляр» Балтасинского района Татарстана З. Минуллиной за выполненную работу следовало начислить 12,78 трудодня, фактически же было записано 21,18, и, наоборот, М. Хисматуллиной было положено начислить 21,68 трудодня, а в трудовой книжке было отражено всего 2,58 [8, л. 87].

Наряду с восполнением убыли рабочей силы в деревне с самого начала войны пришлось решать и другую не менее острую проблему – срочно готовить руководящие колхозные кадры. Достаточно сказать, что из 3884 председателей колхозов Татарстана на фронт были призваны 2586 человек, сменилось 6363 бригадира полеводческих бригад [9, с. 145]. Главным критерием выдвижения на должность являлась политическая благонадежность рекомендуемого. За весь 1942 г. на должности председателей колхозов были выдвинуты 2760 человек, в том числе весьма активно на руководящие посты выдвигались женщины. Уже к 1942 г. в республике насчитывалось 1703 женщины – заведующих животноводческими фермами, 2551 – бригадиров полеводческих бригад. В целом же за годы войны в Татарстане число женщин среди председателей колхозов выросло с 19 до 320, среди бригадиров полеводческих бригад – с 150 до 6327, среди заведующих животноводческими фермами – с 747 до 2575 [10, с. 60].

При этом в некоторой степени даже показное внимание придавалось и работе с коренным татарским населением. На пленумах ОК ВКП(б) предлагалось активнее привлекать национальные кадры на руководящие должности. В соответствии с этими рекомендациями в Кзыл-Армейском районе в 1943 г. из 34 вновь назначенных председателей колхозов 20 человек оказались татарами, 22 татарина были поставлены заведовать животноводческими фермами [11, л. 61]. В Ципьинском районе председателем колхоза им. Сталина была назначена Набеева. Хорошим организатором зарекомендовала себя председатель колхоза им. Ленина Атнинского района Галия Нигметзянова. В 18-летнем возрасте возглавил колхоз «Искра» того же Атнинского района Файзи Галеев [12].

Во время войны наряду с выполнением обязательного минимума трудодней руководящие органы пытались применять и различные формы материального стимулирования колхозников. Был принят ряд постановлений о дополнительной оплате труда за повышение урожайности в земледелии и продуктивности скота в животноводстве. Так, дополнительная оплата труда в виде премиальной надбавки была введена механизаторам МТС за качественное проведение сева, подъем урожайности и своевременную уборку. Например, трактористам за перевыполнение планов урожайности предусматривалась выдача 13% зерна, собранного сверх плана, 11% картофеля; комбайнеры

за намолот зерна сверх нормы должны были получить по 10 пудов, если за сезон была обработана площадь свыше 180 гектаров, и 25 пудов – за обмолоченную площадь в 300 гектаров и т.д.

Правда, зачастую курс на материальное стимулирование наткнулся на существенные преграды, которые носили скорее субъективный, нежели объективный характер. Плановые задания большинства видов сельхозработ завышались, нередко допускались случаи уравнительного распределения в оплате труда колхозников, во многих колхозах отсутствовала индивидуальная сделная работа.

Но главную роль в стимулировании трудовой активности сельских жителей в военный период были призваны сыграть моральные формы поощрения. Важное значение в поддержании энтузиазма колхозников придавалось социалистическому соревнованию. Оно носило всеохватывающий характер. Соревновались колхозы, совхозы, бригады, звенья. Особенно широкий размах в сельском хозяйстве получили соревнования трактористок и женских тракторных бригад, а также звеньев высокого урожая. Передовики аграрного хозяйства награждались орденами, медалями, грамотами, специальными нагрудными значками «Лучший тракторист», «Отличник социалистического сельского хозяйства» и др. Воспитанные за годы советской власти в духе коммунистической идеологии люди считали эти знаки вполне нормальной компенсацией за свой поистине каторжный труд.

Крайне неблагоприятное положение в военные годы сложилось и в животноводстве республики. Настоящим бичом для колхозов стал падеж скота. В Татарстане к концу войны поголовье лошадей уменьшилось в 2 раза, свиней – в 2,5 раза, крупного рогатого скота – в 1,5 раза [13, с. 156]. В условиях, когда резко сократилась кормовая база за счет концентрированных кормов, фуражных зерновых культур, картофеля, заготовка кормов приобрела стратегическое значение. Травы собирались подчистую, причем использовались они не только в животноводстве, но и служили существенной витаминной продукцией для самих колхозников.

Общим явлением в колхозах и совхозах в военные годы стало использование крупного рогатого скота в качестве тягловой силы. Колхозникам вменялось в обязанность предоставление личных коров и быков для работы на полях. Только в 1943 г. в республике на уборке зерновых было задействовано 15 тыс. коров из колхоза и 30 тыс. коров из личного пользования [14, л. 82–83].

Намеченные государством планы мясозаготовок также в основном выполнялись за счет стада колхоза. В военные годы была возобновлена практика контрактации. При этом условия, предусмотренные контрактацией, были не выгодны сельчанам. На колхозном рынке за мясо можно было выручить гораздо больше средств, чем за выдававшееся за скот зерно.

Более того, в большинстве хозяйств даже имевшийся в наличии скот негде было содержать. Животные размещались в холодных грязных помещениях. Значительно ухудшилось ветеринарное обслуживание. Как следствие, участились случаи заболеваний сельскохозяйственных животных. Отдельные заразные болезни, такие как ящур, чесотка, бруцеллез, принимали стационарный характер.

Сохранение поголовья скота, повышение его продуктивности в сложнейших военных условиях во многом зависели от квалификации, добросовестности и самопожертвования животноводов.

Выполняя задания партии и правительства, сельчане работали с полной отдачей. Нагрузка работ на одного трудоспособного колхозника была в три раза выше трудовой нагрузки на крестьянина в годы Первой мировой войны. Очевидцы тех лет рассказывают, что после тяжелой изнурительной работы у них не было сил даже дойти до дома. В целом положение в сельском хозяйстве Татарстана было весьма тяжелым. Не желая принимать во внимание объективные факторы, партийные органы, так же, как в годы индустриализации и коллективизации, начали поиск «врагов» и «диверсантов». И они были «найжены». На пленуме Татарского ОК ВКП(б) 13–16 февраля 1943 г. нарком внутренних дел Габитов рассказал об «обнаруженных» в хозяйствах республики контрреволюционных группах. Таковые были «вскрыты», например, в колхозе «Красная Звезда» Альметьевского района, колхозе «Дон» Набережно-Челнинского района, колхозе «Горный ключ» Бондюжского района и др. [15, л. 311]. Участники антисоветских формирований обвинялись в развале колхозов, срыве хлебозаготовок, намеренном заражении животных, даже в террористических действиях. К ним были применены соответствующие меры.

Таким образом, следует констатировать, что война нанесла аграрному производству Татарстана огромный урон. Все отрасли сельского хозяйства вышли из нее с большими потерями. Ослабление материально-технической базы, острый дефицит техники, запчастей, а также значительное сокращение производительных сил деревни, отразились прежде всего на земледелии. За годы войны посевные площади в республике сократились с 3199 тыс. до 2130 тыс. гектаров, т.е. почти на одну треть. Площади под пшеницей – основной культурой – уменьшились в 2 раза, под кормовыми культурами – в 2,5 раза [1, с. 169]. Небольшое увеличение посевных площадей произошло лишь под картофелем и овоще-бахчевыми культурами.

Также в военные годы резко снизился уровень агротехники: почти прекратилась поставка минеральных удобрений, не выполнялись планы вывозки на поля органических удобрений. Вследствие этого урожайность с гектара уменьшилась более чем наполовину,

а ежегодные сборы зерновых сократились более чем в 2,5 раза [13, с. 156].

Значительно уменьшился и тракторный парк республики. Снижение уровня и степени механизации основных сельскохозяйственных работ вызвало в свою очередь использование в больших масштабах простейших машин, живого тягла, ручного труда.

Упадок в развитии полеводства, недостаток кормовой базы, ухудшение условий содержания животных привели к сокращению поголовья и продуктивности колхозно-совхозного стада. Более всего это коснулось коневодства и свиноводства. В меньшей степени пострадали другие отрасли животноводства, однако ни в одной из них численность поголовья скота не приблизилась к довоенному уровню.

Говоря о производительных силах деревни, нужно сказать, что сами крестьяне находились в состоянии крайнего обнищания и истощения. Условия жизни населения были очень тяжелыми. Действие карточной системы на сельчан не распространялось. Выдача продовольствия колхозникам зависела исключительно от выработанных ими трудодней, а она по сравнению с довоенным периодом сократилась почти в три раза. Крестьянин получал в день из колхоза меньше

200 граммов зерна и около 100 граммов картофеля [2, с. 341]. Недоедание и голод стали спутниками военных лет. Самой распространенной статьей при аресте крестьян была статья за колоски, унесенные с полей. Нормой стало употребление в пищу пролежавшего зиму хлебного зерна и картофеля, являвшихся источниками страшных заболеваний, нередко приводивших к летальному исходу. Кроме того, колхозники обязаны были подписываться на добровольно-принудительные займы, участвовать в различных формах патриотического движения в помощь фронту, оплачивать многочисленные налоги.

И все же, несмотря на страшные испытания и полуголодное существование, сельчане сумели выстоять в войне и обеспечить, хотя и в минимальной степени, потребности фронта и тыла в сельскохозяйственной продукции. За четыре года войны Республика Татарстан поставила государству 131 млн пудов хлеба, 39 млн пудов картофеля и овощей, 56 млн пудов мяса, 200 млн литров молока, десятки тыс. пудов масла, сала, меда, 11 млн пудов сена и другой продукции [9, с. 147]. Отказывая себе даже в самом необходимом, крестьяне отдавали большую часть выращенной и полученной ими продукции, приближая долгожданный день Победы.

Библиографический список

1. Гильманов, З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне / З.И. Гильманов. – Казань, 1977.
2. Арутюнян, Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю.В. Арутюнян. – 2-е изд. – М., 1970.
3. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). – Ф. 15. – Оп. 22. – Д. 355.
4. Социализмга. – 1941. – 17 авг.
5. 25 лет Татарской АССР. 1920–1945 : стат. сб. – Казань, 1945.
6. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 186.
7. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. Р-5874. – Оп. 7. – Д. 3500.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 43. – Д. 1524.
9. Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Казань, 2000.
10. Кабирова, А.Ш. На фронте и в тылу / А.Ш. Кабирова. – Казань, 1995.
11. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 698.
12. Красная Татария. – 1941. – 23 сент.; 1942. – 28 июля.
13. Татария в период Великой Отечественной войны : сб. документов и материалов. – Казань, 1963.
14. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 697.
15. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 15. – Оп. 5. – Д. 656.